

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ ПЕРЕВОДЧИКА 8

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ 11

ГЛАВА I.

ПРЕДАНИЯ О РОДЕ ВЛАДИСЛАВИЧЕЙ 15

1. Происхождение Владиславичей и их роль. – Владиславичи и Ченгичи. 2. Различные версии, согласующиеся с историческими сведениями. 3. Сербские герцеговинские власти в XVI веке. – Владиславичи в Венеции и Дубровнике. – Сведения о семье Владиславича в Дубровницком архиве.

ГЛАВА II.

САВВА ВЛАДИСЛАВИЧ В ДУБРОВНИКЕ 52

1. Версия о переселении Луки Владиславича, отца Саввы, из Герцеговины в Дубровник. 2. Отношения братьев Дуки и Саввы Владиславичей с Сенатом Дубровника. 3. Дука Владиславиц и дед Руджеро Бошковича. 4. Дубровник во времена Саввы Владиславича. 5. Дубровник во время Морейской войны 1683–1698 гг.

ГЛАВА III.

САВВА ВЛАДИСЛАВИЧ В ЦАРЬГРАДЕ 72

1. Первые годы Саввы Владиславича в Царьграде и возникновение псевдонима «Рагузинский». 2. Связь Саввы Владиславича с русским посольством в Царьграде. 3. Иерусалимский патриарх Досифей и Савва Владиславиц. 4. Савва Владиславиц и русский посланник в Высокой Порте. 5. Свержение султана Мустафы II и воцарение Ахмеда III. Отъезд Саввы в Россию.

ГЛАВА IV.

САВВА ВЛАДИСЛАВИЧ В МОСКВЕ (I) 91

1. Первые годы Саввы Владиславича в России. – Встреча Владиславича с Петром Великим. 2. Царь поручает Владиславицу миссию в Царьграде. – Обстановка в Царьграде перед Прутским походом. – О личности Саввы.

3. Савва Владиславич и прадед Пушкина, негр Ганнибал.
4. Победа русских над Карлом XII под Полтавой, роль Саввы Владиславича в ней.

ГЛАВА IV.

САВВА ВЛАДИСЛАВИЧ В МОСКВЕ (I) 115

1. Савва Владиславич впервые ставит так называемый восточный вопрос.
2. Савва Владиславич и сербы в России. —
3. Дело адмирала Матии Змаевича.
4. Савва Владиславич как русский финансист; сбалансирование государственного бюджета.
5. Подготовка русских к походу на Прут, роль Владиславича в этой подготовке.

ГЛАВА VI.

ПОХОД ПЕТРА ВЕЛИКОГО НА ПРУТ 141

1. Переговоры Саввы Владиславича с молдавским князем Кантемиром.
2. Сербское освободительное восстание 1711 года под руководством полковника Милорадовича и владыки Данилы I.
3. Фельдмаршал Борис Шереметев форсирует Днестр.
4. Царь Петр Великий в Яссах.
5. Мирные переговоры с Турцией и участие в них Саввы Владиславича.
6. Поражение и подписание мира.

ГЛАВА VII.

САВВА ВЛАДИСЛАВИЧ В ИТАЛИИ И ДУБРОВНИКЕ. 1716–1722 186

1. Савва Владиславич приезжает в Дубровник из России. — Попытка построить православный собор в городе Святого Влаха.
2. Савва Владиславич в Венеции. — Женильба Саввы Владиславича. — Семья патрицианки Вирджинии Тревизан.
3. Савва Владиславич, русский посланник у папы Климента XI.
4. Савва Владиславич, венецианский патриций.

ГЛАВА VIII.

САВВА ВЛАДИСЛАВИЧ ПОСЛЕ ВОЗВРАЩЕНИЯ ИЗ ИТАЛИИ 234

1. Семья Владиславича в России.
2. Графиня Владиславич в Москве и в Петербурге.
3. Император — крест-

ный отец Анны, дочери Саввы. 4. Иллирийский граф и венецианский патриций, Савва Владиславич получает и русский графский титул. 5. Савва Владиславич как литератор.

ГЛАВА IX.

САВВА ВЛАДИСЛАВИЧ,

ПОЛНОМОЧНЫЙ ПОСОЛ В КИТАЕ 257

1. *Отъезд Саввы Владиславича из Петербурга в Китай. – Владиславич в пути по Сибири и в Пекине.*
2. *Китайский император принимает Владиславича. – Его описания Сибири и сообщения о Китае. – Сложности подписания договора и поведение Владиславича.*
3. *Владиславич во время пребывания в Сибири закладывает город Троицкосавск и крепость Новотроицк, а в ней – церковь в память святого Саввы Неманича.*
4. *Владиславич впервые определяет границу между Россией и Китаем. – Значение первого, Буринского договора. – Савва Владиславич в китайской истории.*

ГЛАВА X.

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ САВВЫ ВЛАДИСЛАВИЧА 285

1. *Семейные драмы Саввы Владиславича.*
2. *Болезнь и смерть Саввы Владиславича.*
3. *Графиня Вирджиния Владиславич вновь в Венеции. – Ее второй брак. – Ее смерть.*

ПРЕДИСЛОВИЕ ПЕРЕВОДЧИКА

ПТЕНЕЦ, СТАВШИЙ ОРЛОМ

Уважаемый Читатель, если ты взял в руки эту книгу, значит, ты неравнодушен к великой истории нашей страны, значит, тебя влечет восемнадцатый век — великая и романтическая эпоха, когда Россия под скипетром Петра стала воистину великой державой. Этому в немалой степени способствовали соратники государя, имена которых прозвучали в «Полтаве» Александра Сергеевича Пушкина: «Сии птенцы гнезда Петрова — В премежах жребия земного, В трудах державства и войны Его товарищи, сыны: И Шереметев благородный, И Брюс, и Боур, и Репнин, И, счастья баловень безродный, Полудержавный властелин».

Понятно, что поэт перечислил только тех сподвижников Петра, которые уложились в поэтическую строку. К тому же, герой этой книги, один из самых верных друзей и соратников царя, был не полководцем, а разведчиком, дипломатом, финансистом, литератором и патриотом — патриотом России и своей поработченной родины, Герцеговины.

В те времена в Россию устремлялось немало братьев-славян. Иные, как хорват Юрай Крижанич, стремились внедрить у нас католицизм; словак Мориц Бенёвский, желавший сразиться с Россией за свободу Польши, оказался сначала в камчатской ссылке, а затем воцарился на мадагаскарском престоле. Но то были авантюристы чистой воды, которыми славилось то время. Иное дело — Савва Владиславич, более известный у нас как граф Савва Рагузинский. Хотя, эпитет «известный» мало подходит к этому человеку. Плита на его могиле утрачена полтора столетия тому назад, а помнят его в нынешней России только историки да хранители Летнего сада, ибо именно его стараниями этот дивный уголок Петербурга был украшен итальянскими беломраморными фигурами.

Конечно же, помнил его и автор Полтавы, потому что именно Рагузинский подарил Петру чернокожего прадеда поэта — «арапа», Абрама Петровича Ганнибала, и до самой своей смерти опекал его в России и Сибири, когда необузданный темперамент привел императорского крестника в ссылку. Пушкин вспоминает Рагузинского (точнее, его сына) в V главе незавершенного романа «Арап Петра Великого», а в подготовительных текстах к «Истории Петра I», в заметке, относящейся к 1711 году, пишет: «Тогда явился

к Петру некто Савва Владиславлевич, родом рагузинец (т.е. уроженец Дубровника — В.С.), он был в Константинополе агентом Толстого, Петр принял его милостиво, Рагузинский (так стал он называться) советовал сослаться с черногорцами и прочими славянскими племенами, Петр и отправил им грамоту, приглашая их на оттоманов».

На самом же деле «некто Савва» впервые «явился к Петру» еще в 1703 году, и тогда же был им богато вознагражден за доставленные сведения о враждебной Османской империи. Может быть, именно близость к государю стала причиной зависти, которую питали к Савве многие царедворцы? Может быть, редкостная удачливость в делах государственного уровня способствовали забвению его роли в становлении «России молодой»? Может быть, его баснословное богатство вызывало зависть современников? Ведь Владиславич был вторым богатейшим человеком России — после Александра Меншикова? Тем более что в отличие от иных чиновников, Владиславич заработал состояние честными трудами на благо державы!

К тому же, исполняя дипломатические поручения, общаясь с заведомыми врагами России в частности и православия вообще, для того, чтобы получить необходимые ценные сведения, он, как настоящий разведчик, вынужден был проявлять невероятную гибкость и изворотливость. Это тоже вызывало недоверие у несколько прямолинейных государевых слуг, не гнушавшихся иной раз запустить тайком руку в царскую казну, при этом не допуская никакой критики в собственный адрес.

Вспомним, что многочисленные «птенцы гнезда Петрова» после смерти императора подверглись опале. Владиславич избежал этой участи, ибо в переломный момент российской истории, сразу после смерти Петра Великого, возглавил посольство в Китай. 27 декабря 1725 года он выехал из Москвы, и вернулся в нее только три года спустя — 18 декабря 1728 года, во время правления царя-ребенка Петра II. Десять последних лет его жизни пришлось на мрачный период правления Анны Иоанновны и ее фаворита Бирона. Тем не менее, Владиславич, граф, тайный советник и кавалер высочайшего ордена Российской империи, был похоронен со всеми приличествующими государственным почестями и... забыт на века!

Однако в родных краях графа помнит каждый его земляк. Спросите любого уроженца Герцеговины, кто такой Владисла-

вич, и вы получите незамедлительный ответ: «Это наш человек, который подарил русским Пушкина!»

Здесь следует сказать несколько слов и об авторе этой книги, классике сербской поэзии, дипломате и дальнем родственнике своего героя, герцеговинце Йоване Дучиче (1874–1943). Он родился в Требинье (Герцеговина), скончался в Гэри (США), в эмиграции. Свою книгу о Савве Владиславиче он завершил в 1940 году, поставив перед собой цель подробно рассказать сербскому народу об одном из самых замечательных его представителей. Наверное, ни в одной стране мира, кроме Сербии, автономной Республики Сербской (Босния и Герцеговина) и Черногории, не принято так бережно хранить память о предках и гордиться их славными делами. И потому великий национальный поэт не раз подчеркивает, что он решил рассказать землякам о тех моментах биографии своего героя, которые, в силу различных исторических обстоятельств, мало известны его землякам. Современному российскому читателю следует учесть это, особенно при чтении первой главы книги, в которой Дучич обстоятельно разбирает родословную Саввы Владиславича.

Тем не менее, издатель и автор перевода сознательно не сокращали эти страницы, которые иллюстрируют своеобразный процесс мифологизации героя (из текста удалены только некоторые топографические детали в описании Герцеговины тех дней). Большинство российских документов, приведенных в тексте, даны в оригинале, и только в отдельных случаях, когда цитируются документы, оригиналы которых не обнаружены, или были написаны на иных языках, публикуются в переводе с сербского языка, как они приведены в книге.

Василий СОКОЛОВ

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Этой книгой я возвращаю сербскому народу и родной Герцеговине ее благородного сына Савву Владиславича, первого православного серба, который после окончания эпохи сербских королей, царей и деспотов стал русским посланником в иностранных государствах, демонстрируя врожденную одаренность и дальновидность, столь свойственную нашему народу.*

*Савва Владиславич занял весьма заметное место в когорте русских дипломатов первой трети XVIII века. В течение двадцати пяти лет он участвовал в важнейших событиях, происходивших в Российской империи: заключил в Яссах военный союз с правящим князем Молдавии, подписал на реке Прут мир с султаном, конкордат** с папой в Риме, а также договор о дружбе и разграничении территорий между Россией и Китаем с китайским императором. Но в то же время Владиславич — что до сегодняшнего дня было неизвестно сербскому народу и что для нас в его деятельности является самым важным — стал первым сербом, который в конце мрачного XVII века привлек православную Россию и лично царя Петра Великого к освобождению сербов и Балкан.*

Савва Владиславич до сегодняшнего дня вообще не был известен нашей науке. Даже коллектив наших лучших ученых ни единым словом не упомянул его в первой «Сербской энциклопедии» (Белград, 1924). Это свидетельствует о том, насколько трудно было получить исторические свидетельства о великом сербе, память о котором ушла в прошлое и почти полностью стерлась. Но, пожалуй, еще уди-

* Средневековый титул государей на Балканском полуострове. (Прим. ред. Все примечания, кроме специально оговоренных, принадлежат автору).

** Договор между папой римским как главой католической церкви и каким-либо государством; регулирует правовое положение католической церкви в данном государстве и его отношения с папским престолом. (Прим. ред.)

вительнее, что и в России было написано ничуть не более чем у нас, об этом крупном русском дипломате, который упоминался всего несколькими строчками в энциклопедиях, несмотря на то, что его имя встречается в сотнях важнейших русских и иностранных документов.

Работая над этой книгой, я, как поэт, был невыразимо далек от своего привычного литературного труда, которым занимался исключительно по вдохновению. Но я ступил на чуждую мне территорию исключительно из любви к сербскому народу, который породил множество известных, неизвестных или забытых титанов. Я писал эту книгу, руководствуясь любовью к нашему краю — Герцеговине, воспетой гусярами, к этому вертограду нашего языка; любовь к этой кузнице нашего стиха, который, возникнув из косовской боли, стал настолько присущ сербам, насколько гекзаметр отражал духовный и исторический облик древних греков.

Савва Владиславич был типичным представителем родного края: он стал воплощением серба из Герцеговины, духовного настолько, насколько и душевного, гибкого в той же мере, как и горделивого, осторожного и в то же время неустрашимого. Этот баланс положительных и отрицательных качеств, определяемый почти эллинским чувством меры, характерен для истинного герцеговинца. Серб из Герцеговины, скорее обитатель Средиземноморья, нежели Балканского полуострова, человек романтический — и в то же время реалистично мыслящий, мечтатель — и позитивный созидатель, Владиславич, уходя из нашего горестного XVII века, сотворил себе славу великого дипломата великого славянского народа, и заслуги его в огромном славянском мире огромны. Он первым поднял в России сербский вопрос как главную проблему Балканского полуострова.

Многие годы жизни я посвятил собиранию исторических сведений из различных источников, вплоть до самых мелких, имеющих отношение к Савве Владиславичу, которые могли бы осветить его личность и дополнить его

портрет. Савва Владиславич предстает в этой книге не только как выдающийся дипломат, в ней нет каких-либо отдельно взятых ярких эпизодов из его жизни. Я постарался оживить его образ, реконструировать с помощью многочисленных деталей, словно мозаику, собрав все, что он сотворил малого и великого, в том числе и переживания личной жизни.

Он исключительно интересен для нас и как дипломат, и как серб, и как герцеговинец. Чтобы узнать мельчайшие подробности его жизни, мы пользовались книгами и рукописями на русском, французском, немецком, итальянском и румынском языках. А сведения о Владиславиче мы затребовали, лично или через помощников, в архивах Дубровника, Венеции, Москвы, Хельсинки, Бухареста и Белграда. Хочется верить, что после этого в его биографии останется мало белых пятен. Народные предания о Владиславиче также представляют собой своеобразный документ.

Хочется верить, что после этой книги Савву Владиславича никогда более не вычеркнут из истории знаменитых славян, и его имя не будет забыто в широких слоях сербского народа.

*Рим—Бухарест, 1933—1940
Й. Д.*

І. ПРЕДАНИЯ О РОДЕ ВЛАДИСЛАВИЧЕЙ

1. Происхождение Владиславичей и их роль. — Владиславичи и Ченгичи. — 2. Различные версии, согласующиеся с историческими сведениями. — 3. Сербские герцеговинские властители в XVI веке. — Владиславичи в Венеции и Дубровнике. — Сведения о семье Владислави́ча в Дубровницком архиве.

1

Между Ясеником и Берушицей, что находятся километрах в двадцати от Гацко, по дороге на Пиву, до конца XVII века жила сербская дворянская семья Владиславичей. Развалины их дома сохранились по сей день: народ называет их башнями князя Владислави́ча. И сейчас жители Гацко с гордостью говорят об этой семье, которая прославилась в окрестностях еще во времена сербского царства*: выходцы из нее были князьями и народными вождями. Семья имела право владеть этими краями и во времена сербского царства, и во времена оттоманского правления, то есть все время своего проживания в Гацко.

По народному преданию, которое живо и сегодня, властные полномочия Владиславичей не давали покоя бегам** Ченгичам, которые уже захватили часть гацкого пашалыка***. Они всячески старались либо уничтожить Владиславичей, либо принудить их к бегству. Целью Ченгичей было опозорить Владиславичей в глазах народа, а затем присвоить себе их имения. Им удалось собрать войско и

* Эпоха в развитии сербского государства (1346–1371), когда оно достигло своего величайшего могущества и расширило свои пределы до максимальных за всю историю. (Прим. ред.)

** В оккупированной Турцией Сербии — вассальный князек. (Прим. пер.)

*** Область, находящаяся под управлением турецкого пашы. (Прим. пер.)

ударить по Владиславичам. Однако в гацком крае проживала и другая сербская мусульманская семья, Хасанбеговичей, дружившая с Владиславичами; они сообщили им о намерении бега Ченгича*. В ту же ночь Владиславичи бежали в Черногорию. По одному из преданий, женщин и детей их семейства сопровождал до Дубровника некий мусульманин из семейства Звездичей (из Гацко), также друживших с Владиславичами. «Потом они переселились в Россию, где и нынче, — пишет историк Нинкович, — занимают достойное положение в государстве. В России за храбрость и заслуги они получили графские титулы».

Как мы знаем из архивных документов, семья Владиславичей и в самом деле была разделена в результате заговора Ченгичей. Между тем, следуя традициям, Ясеник покинул не весь род, да и в Россию отправилась тоже не вся семья. Когда Владиславичи бежали в Черногорию, от них отстала невеста, уже принятая в семью. Ее не было в Ясенике в то время, когда случилось несчастье. Позже она родила сына Вукана. Она так и осталась на родине, а потомки ее сына Вукана назовутся позже Вукановичами. Они и по сей день живут в Гацко.

Ясеник располагается в весьма живописной местности. Там и в самом деле находятся развалины, которые прозвали Градиной и которые некогда могли быть домами Владиславичей; ныне они принадлежат Вукомановичам. И в наши дни крестьяне при пахоте находят старинные монеты, которые они называют мангурами**. Здесь же расположен и старинный церковный двор, в котором некогда был храм, а рядом с ним — кладбище. Посреди Ясеника находится покос, а вокруг — леса, луга и пашни: говорят, что они раньше принадлежали Владиславичам. Имение князей Владиславичей напоминало, судя по всему, огромный

* Некоторые источники указывают, что Ченгичи напали на Владиславичей по причине кровной мести, поскольку один из Владиславичей, сын Дуки, убил одного из Ченгичей.

** Вообще мангур — медная турецкая монета. (Прим. ред.)

феод, измерявшийся скорее квадратными километрами, нежели дулумами*. Здесь и село, и леса, и пашни, и река, и ручьи. В плане оно образует неправильный четырехугольник. Это фактически маленькая страна площадью в несколько десятков квадратных километров.

Ченгичи были ближайшими соседями Владиславичей из Ясеника. У бегов Ченгичей были свои феоды с высокими башнями и мельницей, также на самом въезде в Гацко поле, и еще недалеко от Фочи им принадлежали имения Ратай и Оджак. Народные сказания подтверждают их чисто сербское происхождение**. Между тем историк доктор В. Борович утверждает, что Ченгичи были родом из Малой Азии и что их предком был Исфендияр-бег, чьи владения находились в долине далекого Евфрата.

Недалеко от Горанско, который давно укрепили турки, находится известный монастырь Пива с храмом Успения, который в 1573 году воздвигли братья Гаговичи с помощью своих соплеменников. В этом монастыре по сей день находится знаменитое Евангелие с дарственной надписью графа Саввы Владиславича из России в память о своих покойных родителях, за свое здоровье и духовное спасение. Там же хранятся и другие церковные книги, также подаренные Саввой Владиславичем, именующим себя в дарственных надписях графом иллирийским.

Народные предания рассказывают, как Владиславичи жестоко отомстили Ченгичам. Эта месть стала мотивом многих народных песен. Леонтие Нинкович пишет, как в битве у Озии***, «на Озии под Московией», русский ге-

* Дулум — старинная мера площади; 1 дулум = 1000 м² (*Прим. пер.*).

** Ничифор Дучич пишет, что Ченгичи принадлежат к тому же роду, что и дубровницкий сербский поэт князь Медо Пуцич. И сами беги Ченговичи с гордостью подчеркивали, что они сербы, «которые сербствуют в своем доме много дольше, нежели любой другой мусульманский или православный род в Боснии и Герцеговине».

*** Имеется в виду Очаков, который во времена турецкого владычества назывался Ози. (*Прим. пер.*)

нерал Савва Владиславич обратился к турецким солдатам с вопросом, нет ли среди них кого-нибудь из Хасанбеговичей. И когда объявились Хасанбеговичи, он одарил их как лучших друзей, после чего позволил им беспрепятственно вернуться домой, в Герцеговину. После этого он точно так же спросил, нет ли среди турецкого войска Ченгичей. Беги этого рода подумали, что их тоже богато одарят и позволят свободно вернуться в Герцеговину, так что объявилось семьдесят семь бегов Ченгичей, среди которых самозванцев было больше, нежели настоящих Ченгичей.

В одной из народных песен говорится, как два черных ворона прилетели из Озии под Московией на границу Герцеговины и опустились в Ратае на башню Бечир-паши Ченгича, где их встретила жена паши*. Она спросила двух черных воронов, как проходила осада Озии:

*Вьется ли стяг Муновичей,
Сверкают ли доспехи Сиерчича,
Гарцует ли гнедой Любовича
С поля славного Невесиньского?*

Вороны поведали ей о поражении турок и о том, как Владиславич хитростью выманил бегов, после чего изрубил их всех, чтобы «от врага не осталось и следа...»

*Нет ли здесь кого с Герцеговины,
Ченгичей из рода благородного,
Чтобы я их одарил по совести? —*

лукаво расспрашивал Савва Владиславич, прохаживаясь перед толпой турецких пленных.

* Ченгичи, аги и беги, занимали высокие посты алайбегов и беглербегов и славились как отважные воины. Историк Владимир Скарнич пишет, что Ибрагим-бега Ченгича жители Дубровника наделили, помимо всех прочих званий, титулом “Signor”, что означало его исключительное положение в местном дворянстве. В другом источнике мы находим, что правительство Дубровника поздравляет Бечир-бега с рождением сына.

*Тут увидели герцеговинцы-турки,
И решили перед ним предстать,
Порешили ему в милость сдаться:
Первым из бел-города из Никшича
Подошли к нему все пять Мушовичей
Да и выдали себя за Ченгичей.
Из Клобука тоже два Ковчеговича
Порешили Ченгичами зваться.
Из бел-города Подгорицы солдаты,
Два Бечиркуича тоже назвались
Ченгичами, чтоб домой вернуться...*

И так далее.

Битва у Озии на самом деле случилась в 1735 году. Но Савва Владиславич не мог лично участвовать в ней в качестве генерала, тем более не мог изрубить своих земляков, бегов из Санджака и Герцеговины. Прежде всего, Савва Владиславич никогда не был генералом, каким его рисует народная песня, к тому же в 1735 году Савва был слишком стар для того, чтобы рубить на куски турок (он родился предположительно в 1664 году, скончался в 1738). И не только потому, что не участвовал в битве при Озии в качестве полководца, — его там вообще не было. Однажды он был свидетелем битвы с турками, но это произошло в 1711 году на реке Прут в Молдавии, да и то он был там в качестве дипломата в звании министра-советника при главнокомандующем фельдмаршале Шереметеве. Справедливости ради следует сказать, что тогда на реке Прут присутствовал один его земляк из Гацко, а именно бег Ченгич, но это был Хасанбег, боснийский алайбег*, а не Бечир-паша Ченгич, боснийский беглербег**, который якобы погиб от сабли Владиславича при Озии в 1735 году.

Известно также, что Бечир-бег Ченгич возглавил поход нашего «боснийского войска» в Южную Россию, а именно 29 300 мусульман из Боснии и Герцеговины, на-

* Алайбег (тур.) — полковой командир. (Прим. пер.)

** Турецкий титул, означающий «господин господ». (Прим. пер.)

значенных охранять от русских турецкую границу и крепость Озию. Здесь наши героические земляки и сложили свои головы. Озию русские с помощью пороха подняли на воздух, треть турецкого войска перебили, а остальных взяли в плен. Этих пленных было числом 7 743, из которых после двух лет заточения вернулось в Боснию всего 1 340. Остальных или перебили по дороге, или же они умерли от голода, или же просто скончались в страшных мучениях. Вот эту катастрофу наших бегов из «боснийского войска» и воспел сербский гусляр XVIII века.

Бечир-паша Ченгич, который якобы лично напал на Владиславичей в их семейном гнезде в Ясенике и отнял имения, принудив бежать в наше Приморье, а некоторых даже в Россию, никак не мог пасть жертвой мести Саввы Владиславича, в то время знаменитого престарелого дипломата и весьма влиятельного человека из высшего общества. Мы не располагаем никакими сведениями о том, что кто-либо из других Владиславичей, проживавших в России во время битвы за Озию 1735 года, был причастен к судьбе несчастных земляков, которых Бечир-паша привел на юг России защищать султана.

В то время кроме старого Саввы в России жили четыре его племянника, один из которых, граф Ефим Иванович Владиславич, сын старшего брата Саввы Йована, стал русским генералом — о нем позже будет рассказано более подробно. Один из его родственников напишет, что Ефим был «всею внешнею красотою украшен, но в речениях был свиреп и дерзок». Не спутал ли сербский гусляр этого генерала с его дядюшкой Саввой? Похоже, и это не так. Ефим родился в 1691 году и в Россию попал ребенком. Юношей он уехал учиться во Францию, где жил долго и даже женился, и, вероятно, духовно был очень далек от воспоминаний о родовом гнезде предков в Ясенике и о кровавой расправе Ченгича с его семьей.

В сборнике народных песен Вука Караджича* есть песня «Боснийцы на Москву», в которой также поется о битве при Озии. Однако в ней мстителем оказывается некий Савва Црноевич, мстящий за пятерых погибших братьев все тому же Бечир-бегу Ченгичу. В другой Вуковой песне, «Фоча и фочанки», пленный Асан-паша, выведенный из темницы на солнышко, рассказывает русским о том, что в Боснии самый красивый город — Сараево, жители Мостара — настоящие герои, а в Фоче — самые красивые девушки. В той же песне говорится, что русским помогал некий Йован Владиславич, разъяснивший им, как тяжело захватить Фочу из-за окружающих ее рек Дрины и Чиотины, а также из-за горы Црни Врх.

Все эти подробности, несмотря на несхожесть, возможно, имеют под собой фактические основания. По русским сведениям, Савва Владиславич пребывал в России вместе с братом Йованом, его четырьмя сыновьями и дочерью; четвертого сына Йована также звали Йованом. Так что ничего странного нет в том, что в Вуковой песне речь может идти об одном из двух Владиславичей — отце или сыне, тем более что там речь идет о Фоче, которая считается малой родиной некоторых наших Владиславичей из Ясеника у Гацко.

Песня о Саввиной мести Бечир-бегу представляет чрезвычайный интерес по той причине, что она практически полностью сохранила список семей наших бегов, проживавших в то время в Герцеговине и бывших тогда столпами турецкого режима в нашей стране, которых сербский народ, естественно, считал своими врагами. Если бы не сербский гусляр, эти знаменитые семьи давно были бы забыты.

* Вук Караджич (1787–1864), выдающийся деятель сербского национального возрождения, создатель современного сербского языка, собиратель сербского фольклора.

Предания о древнем сербском роде Владиславичей записали и опубликовали пять наших боснийских и герцеговинских авторов: Ничифор Дучич*, Лука Грджич-Бьелокосич, Стъепо Трифкович, доктор Евто Дедиер и Леонтие Нинкович. Трое из них напечатали эти предания в вестниках Сербской академии наук в Белграде, а Грджич и Нинкович — в отдельно изданных работах о народе. Трое из них перечислили имена тех Владиславичей, которые, по народным преданиям, оказались у семейного очага в момент нападения Ченгичей, после чего спаслись бегством, осев в других краях. В новых местах проживания они, как сообщают предания, породнились с другими знаменитыми сербскими семьями, но перестали называться Владиславичами, приняв крестные имена новых родичей.

Так, первый из упомянутых пяти писателей, Ничифор Дучич, пишет, что в то время в Ясенике у Гацко жили три Владиславича: Савва, Дука и Вукоман. Савва уехал в Россию, и о его семье ничего не известно. Сыновья Дуки убили одного из Ченгичей и бежали в Требинье, где от них пошел род Дучичей. От Вукомана произошли Вукомановичи, которые по сей день живут в Ясенике.

Второй из писателей, Лука Грджич, также рассказывает об этой знаменитой семье и ее бегстве, попутно припоминая еще одного ребенка, от которого в Гацко пошли нынешние Вукановичи (имея, очевидно, в виду Вукомановичей).

Третий из упомянутых писателей, Стъепо Трифкович, говорит, что в семье Владиславичей было тогда три брата: Дука, Максим и Милорад. Дука остался в Требинье, и от него пошли Дучичи; Максим двести лет тому назад пере-

* Ничифор Дучич (1835–1900), архимандрит, сербский общественный деятель. Главные литературные труды: «Монография монастырей Твьрдоша (Тробины) и Дужи» (1859); «Монография монастыря Житомышлича» (1861); «Геройский памятник, песни великого воеводы Мирко Петрович» (1864) и др. (*Прим. ред.*)

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru